

Руслан Белов

Очко сыграло



Руслан Альбертович Белов
Очко сыграло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157671

Руслан Белов

Очко сыграло

* * *

В Геленджике снять комнату не получилось – как и в Адлере никто не хотел брать на постой одного человека. Или предлагали такое, что воротило душу. Или предлагали такие, что хотелось побыстрее уйти. Можно было, конечно, пройтись по окраинам и найти что-нибудь приличное. Однако Смирнову не захотелось ходить от дома к дому, угодливо заглядывая в оценивающие глаза (чего ему не было по вкусу, так это просить и нравиться), да и тянуло его на берег, привык он ночевать под небом и обычным предутренним дождем.

Город был памятным. После того, как десятилетний непоседа Женя, упав с сосны, десять минут повисел на железных кольях ограды, впившихся в грудь, мама три года подряд отправляла его в местный детский санаторий "Солнце". Конечно же, он не мог уйти, не побывав там, где прошли одни из лучших месяцев его жизни.

Санатория Смирнов не нашел. Люди, к которым он обращался, недоуменно пожимали плечами. Наконец одна старушка сказала, что, собственно, "молодой человек" и нахо-

дится на том месте, где когда-то было "Солнце".

Смирнов оглянулся. Заросшие бурьяном развалины, обгоревшие стропила, несколько заколоченных домиков, презервативы в траве... Это было все, что осталось от лучших его месяцев.

Поблагодарив старушку, он спустился к берегу и, наконец, узнал заповедник своего детства. Песчаники, бронирующие склон, – теперь эти слова ему были известны, – облупившийся памятник над ним, покрытые изумрудной тиной бетонные быки – остатки пирса, в войну отправлявшего торпедные катера на Малую Землю...

Он разделся, вошел в море, поплыл к дальнему быку. Подплыл, взобрался, лег и... почувствовал себя десятилетним Женей.

Десятки лет, прожитые там, за горами, соскользнули с плеч струйками соленой воды. Все, что случилось с тех пор, как он впервые взобрался на этот скользкий бетонный куб, растворилось в застывшем воздухе.

Маленький Женя лежал на изумрудной тине, ласкаемой теплым морем, смотрел на памятник, на зеленый хребет, сокрывший горизонт, на молчаливого молдаванина Колю, одиноко сидевшего на берегу в странных своих шароварах.

Он ничего не хотел. Все, что растворилось в воздухе – работа, женщины, навязанные императивы, желание что-то сделать и сделанное – висело в нем невидимым инертным газом.

Детство ушло так же неожиданно, как и явилось – молдаванин Коля в странных шароварах растворился в мареве, и Евгений Евгеньевич увидел, что рядом с его вещами располагается компания из двух мужчин и двух молодых женщин.

Мужчины выглядели сонными. Они, – один пятидесятилетний, внушительный, другой – вдвое моложе и тоньше, – квели разделись и легли на принесенные цветные пористые коврики.

А женщины были полны энергии.

Они захватили внимание Смирнова.

Одетые в коротенькие цветастые платица, длинноволосые, не худые и не полные, оживленно переговариваясь и хочоча, они расстелили на земле скатерку, побросали на нее разнокалиберные бутылки, снедь, большие зеленые яблоки и арбуз (упав на одну из бутылок, он треснул, развалился на части, яркая его мякоть обнажилась). Порадовавшись этому всплеску жизни, женщины, – рот нашего наблюдателя раскрылся, – мигом скинули платица – под ними ничего не было! – и пошли в воду.

Обниматься и целоваться они принялись у первого быка. И если делали это демонстративно, то не для окружающих, а для всех на свете.

Одна из них была особенно хороша. Осиная талия, темные прямые волосы, темные чувственные (и видящие) глаза, родинка совсем как у всемирной красавицы Синди Кроуфорд, упругая, не кормившая еще грудь; она была в пасси-

ве. Другая – крепенькая, голубоглазая, светловолосая в кудряшках – выглядела попроще и, может быть, потому ее влекло к первой.

Влюбленных рыбок они изображали до второго быка. Накнувшись на него, взобрались с третьей или четвертой попытки и возобновили свои игры уже на нем. Смирнов смотрел, охваченный противоречивыми чувствами.

Женщины, обнаженные и готовые к сексу, были всего в пяти метрах от него.

Красивые женщины.

Чужие женщины.

– Третьим будете?! – почувствовав его внимание (или биополе), закричала голубоглазая.

– Да у вас есть кавалеры... – заинтересованно приподнялся Смирнов.

– Так они на берегу, – засмеялась черноволосая.

– И вряд ли сюда поплывут, – до слез захохотала вторая, – они – сухоплавающие!

– Да нет, спасибо, у меня ординарная ориентация.

– Ординарная это с кем? С женой? – голубоглазая "акала".

– Примерно.

– По-моему, это извращение, – с неприязнью посмотрела черноволосая в сторону берега.

"Мужик с брюхом – ее муж, – подумал Смирнов. – Или любовник. И он – сволочь, если не стал с такой женщиной счастливым".

Голубоглазая соскользнула в воду, поплыла к Смирнову. За ней бросилась черноволосая.

– Мы к... к вам в гости, – сказала первая, устраиваясь на быке Смирнова. – Меня зовут Серафима, а вас как?

От нее густо пахло коньяком.

– Женя... – ответил Евгений Евгеньевич, ничего не чувствуя, кроме мягкого бедра девушки. Очаровывающего бедра. Когда с другой стороны тоже пахло коньком, и тоже прикоснулась ляжка, такая же мяконькая, но совсем другая по внутреннему содержанию, он растерялся, покраснел (!), закрутил головой, смотря то на берег, то на девушек, то на их плотнее и плотнее прижимавшиеся бедра.

– А что, муж...чина, вы... так попусту нерв...ничаете? – спросила Серафима, стараясь сладить с разбегающимися глазами.

Смирнов не нашелся с ответом, и девушки, моментально о нем забыв, принялись целоваться за его спиной.

– А вы откуда, Женя? – спросила Валентина, минуты через три положив ему голову на плечо.

– Из Москвы. – Смирнов боялся, что у него встанет.

– О, муж...чина! Как я хо...чу стать москви...чкой! – обняла его Серафима. – Давайте я вас поцелую. У-у-у...

Смирнов подставил щеку.

Серафима поцеловала.

Он включился. Пришлось прикрыть *его* руками.

– А кем вы работаете? – продолжала спрашивать чернень-

кая, явно отстававшая от подружки на пару стаканов.

– Я – старший научный сотрудник.

Сказав, он вспомнил институт биолингвистики короткохвостых раков и криво улыбнулся.

– Бедня...жка... – едва не прослезилась Серафима.

Она подумала, что собеседник стыдится своей работы.

– А вы знаете, мне кажется, что я вас где-то видела, – отстраняясь, взглянула Валентина. Сочувствие виделось и в ее глазах.

Ответа не последовало. Женщина склонила голову, принялась алым ноготком рисовать что-то на плече Смирнова. Тот, сумев преодолеть *его*настойчивую попытку отодвинуть ладонь и взглянуть на женщин, пририсовал себе ноль:

– Возможно, вы видели мою фотографию на книжке. В "Черной Кошке" вышло три или четыре моих приключенческих романа.

– О, муж...чи-н-на! Вы писа-а-тель?! – благоговейно вскинула глаза Серафима.

"А неплохой коньяк они жрут", – подумал Смирнов и ответил:

– Да... По крайней мере, некоторые люди таким меня считают.

– О, я вас хочу муж...чина! – воскликнула Серафима и, крепко обняв писателя, повалилась с ним в воду.

На джентльменское освобождение от экстатического объятия ушло минуты три; две из них прошли под водой. Вы-

скользнув, он поплыл к берегу.

– Они вас не обижали? – равнодушно спросил пятидесятилетний мужчина, когда Смирнов сел у своих вещей. Второй, укрывшись полотенцем, спал на животе.

– Да нет, – посмотрел Смирнов на девушек. Забыв обо всем на свете, они целовались на мелководье. – А кем они вам приходятся?

– Черненькая – жена. А беленькая ее недавняя подружка. Давеча мы познакомились с ней в ресторане.

– И вы так спокойны?

Мужчина напомнил Смирнову шахматную фигуру из красного дерева. Искусно сделанная, но снятая с доски, она лежала на замусоренном берегу Черного моря.

– Такая жизнь кругом, – с полуулыбкой человек смотрел на девушек. – Сегодня ты жив, здоров, богат и известен, а завтра – нищ и болен, и надо застрелиться. И потому нет смысла кого-то учить, поправлять, наказывать... Этот мир надо принимать таким, какой он есть. По крайней мере, я пытаюсь убедить себя в этом.

– Вы что, преступный элемент? Сегодня пан, а завтра пропан?

– Да нет, просто элемент. Элемент российской периодической системы.

– Вы имеете в виду номенклатурную систему элементов?

Мужчина сжал губы. Лицо его стало высокомерно-холодным, даже ледяным. Смирнов, участливо покивав, взялся пе-

рекладывать рюкзак. Когда он шел по городу, кастрюля надоедливо скребла аптечку, и пришла пора лишить ее права голоса.

– А вы, значит, путешествуете... – передумал дуться мужчина, пристально посмотрев на рюкзак, латанный белыми нитками.

– Да, вот, путешествую.

– Пешком, без палатки и спального мешка?

– А вы наблюдательны.

– Что есть, то есть. Давайте, что ли, познакомимся? Меня зовут Борис Петрович.

– А я Евгений Евгеньевич.

– Я вижу, вы свободны, не богаты, и вам нечего терять.

"Номенклатурный элемент" хотел задеть собеседника, которому все "до лампочки".

– Да, мне нечего терять, но центральная часть вашего заявления не вполне точна.

– Вы хотите сказать, что вы состоятельный человек?

Борис Петрович спросил по-генеральски, и Смирнов отвечал, не думая.

– Нет. Я просто имею возможность стать таковым.

– И как же?

– Наследство. Я могу получить солидное наследство. В середине пятидесятых моего деда по родному отцу – он был красным генералом – посмертно реабилитировали, и жене, то есть моей бабушке вернули все его имущество. В пятьде-

сят шестом она пошла с этим известием к другой моей бабушке, которую я называл тогда мамой, но та выпроводила ее, не выслушав. Месяц назад я случайно выкопал в Интернете, что у меня есть особняк в Москве, куча орденов, медалей, золотого оружия и коллекция редких почтовых марок... Всего на несколько миллионов долларов...

Сказав последнюю фразу, Смирнов, огорчился. Надо же, развыступался. В такое время так трепаться перед незнакомыми людьми – это все равно, что стрелять себе в голову!

– Ну и почему вы не вступили в права владения?

– Сестры, – вздохнул Евгений Евгеньевич. – Оказывается, у меня есть две сводные сестры. Я так хочу их увидеть, но не могу... Боюсь.

– Почему?

– Ну, представьте, у вас есть две единокровные сестры, вы приходите к ним, весь такой взбудораженный, счастливый – ведь сестры, младшенькие – и видите у них в глазах глухую ненависть: "Ограбить пришел!" Или лисью решимость: "Ничего не получишь, и не надейся!"

– Вы так не верите в людей? Даже в родных? – Борис Петрович смотрел по-другому. Внук генерала – это внук генерала. Это ровня.

– Я – научный работник. И потому слово "вера" и его производные в моем лексиконе отсутствуют.

– Нет, все-таки не верится. Вы могли бы не работать за гроши, не делать черт знает что, а ездить по миру с красивы-

ми женщинами... Это, знаете ли, стоит небольшой разборки с единокровными сестричками.

– Это не самое главное... Знаете, мне кажется, Бог не зря сделал меня таким, какой я есть. Добавь в меня больше денег, счастья, везения, и я взорвусь, рассыплюсь, погибну, стану не человеком...

Мужчина нахмурился, отвернулся к морю. Валентина с Серафимой самозабвенно целовались на мелководье.

– Я вижу, вам досталось больше денег и счастья, чем нужно? – не смог не съязвить Смирнов.

Денег у его собеседника куры не клевали. На скатерке лежали килограмм копченой осетрины, большая банка черной икры, еще что-то крайне аппетитное и дорогое в красивых упаковках. И три бутылки марочного коньяка минимум по паре тысяч рублей каждая.

– Знаете, что, давайте, выпьем за знакомство? – перевел мужчина разговор в практическую плоскость.

– Мне пора идти, – неискренне замялся Смирнов – черной икры он не ел лет десять. – Здесь ночевать стремно – люди кругом, и потому надо выбираться из города, а я не знаю, можно ли это сделать по берегу.

– Выберетесь! И вообще, давайте посидим, покупаемся, поговорим, а вечером поедем ко мне. Я живу под самыми горами в коттедже – не люблю правительственных дач с их дутым населением. Поедьте! Вымоетесь, поспите на мягком в комфортабельной спальне?

– Да я поспал бы и помылся... Но ваши женщины. Честно говоря, я не знаю, как с ними себя вести.

– А вы ведите себя с ними так, как ведете себя с мухами. Давайте, подсаживайтесь.

К мухам Смирнов был равнодушен. Он перестал кокетничать и подсел. Женщины, увидев, что на берегу пьют коньяк, выскочили из воды. Черненькая села рядом с мужем. Беленькая, вся в каплях, обняла Смирнова сзади, зашептала в ухо:

– Я вас хочу, мужчина... Поедьте ко мне, не пожалеете...

Смирнов не знал, что делать. Выручил его тощий мужчина. Пробудившись, он сел рядом с Серафимой, взял со скатерки бутылку и обыденно спросил:

– Тебе, конечно, полстакана?

– Витя, ты киска! – заулыбалась та.

Через полчаса Серафима лыка не вязала. Смирнову приходилось удерживать ее за талию, потому что она опрокидывалась то на него, то на достархан.

Разговор из-за этого не завязывался, и Виктор принялся рассказывать анекдоты. Борис Петрович смотрел на море, иногда посмеиваясь.

– Может быть, закончим с водными процедурами и поедим? – спросил он Смирнова, когда запас анекдотов истощился.

Уже темнело, и тот согласился. Ехали на серебристом "BMW". Коттедж – красивое двухэтажное сооружение с готическими окнами, грушечными башенками и балкончиками.

ми – располагался на целинной окраине города. Показав гостю комнату, Виктор ушел укладывать Серафиму, едва державшуюся на ногах.

Смирнов остался один. Вымылся в ванной. Посмотрел в окно.

Толстый мыс, Тонкий мыс.

Море степенно пьет из заливного блюда.

Ему стало скучно. Жизнь не берегу была интереснее. Пройдя ночью с высоких геленджикских скал упал камень. И попал в яблочко, то есть в кастрюльку с остатками ужина, стоявшую в изголовье его берлоги. Пришлось трижды вспотеть, прежде чем пришелец был извлечен. Так что завтракал он из покоренной кастрюльки (недаром в пути она пыталась сговориться с аптечкой). А тут пушистые ковры, царская кровать и мягкая постель с запахом лаванды. И, как пить дать, утром будет кофе в постель.

В дверь постучали.

Он открыл.

Вошел Виктор с бутылкой коньяка и большой коробкой зефира в шоколаде. Постоял, узнавая побрившегося, расчесавшегося и переодетшегося Смирнова. Поставил бутылку в бар, и проговорил, неопределенно улыбаясь:

– Пошлите ужинать, Евгений Евгеньевич, хозяин зовет. Бабы, слава богу, спят.

Подмышкой у Виктора бугрилась пистолетная ручка.

– Спасибо, не хочу.

Смирнов неожиданно понял, что согласился переночевать у береговых знакомых в расчете на то, что ночью в его спальню забредет Серафима. Нет, Валентина. А они напились в дрезину и спят без задних ног.

– А что так? Там трюфели, заяц фаршированный, шампанское, устрицы с кулак, Борис Петрович специально для вас в ресторане заказал.

– Да не хочу я, спасибо.

– Шеф хотел с вами по душам поговорить. Он любит с такими, как вы разговаривать. От них, говорит, свежий ветер в голове.

– С какими это такими как я? – обиделся Смирнов.

– С умными, с умными.

– А кто он такой, этот Борис Петрович?

– Государственный человек, связи кругом и с теми и с этими.

– Понятно. Крутой, значит, но Бетховена с Моцартом любит.

– Да, особенно Бетховена. Но у него сейчас проблемы. Если завтра его не назначат заместителем министра, это будет означать, что он должен подать в отставку.

– Понимаю... Из князей в грязи – это невыносимо. А вы его верный помощник?

– Да. Помощник, референт, лакей, сводник, телохранитель. Фигаро, короче или Труффальдино для одного господина. Ну, так пойдете? Он нервный в эти дни и вообще не

любит, когда ему отказывают, разозлиться может в корне.

– Выгонит, что ли среди ночи?

– Может, и выгонит. Позвонит в охрану и скажет, что наблевали в гостиной...

– Тогда я точно не пойду. С такими я не вожусь. И если бы вы знали, как меня на морской бережок тянет. Сейчас бы сидел у костра, на колокольчик резинки поглядывая. Знаете, какого я вчера окуня поймал? По локоть. Так обрадовался, что ерша не уважил, и укололся – два часа потом рука болела, как трактором передавленная.

– Ну ладно, скажу, что вы спите... А то пойдёте? Трюфель, надо думать, никогда не ели?

– Я много кое-чего не ел из вашего меню. А вы много кое-чего из моего.

– Чего это такого мы не ели? – поднял бровь "Фигаро".

– Ну, к примеру, головастика-фри.

Виктор брезгливо сморщился.

– Головастика-фри?

– Да, обжаренных в сливочном масле. Пальчики оближешь. Особенно если прямо из болота на сковородку.

Евгений Евгеньевич сглотнул слюну.

– А что еще мы не ели?

Смирнову захотелось остаться одному, и, подумав, он вспомнил подходящий случай:

– Это долгая история, но я расскажу. Однажды на Памире у нас кончились продукты – в горах, в поисковых отрядах

это часто случается. Осталось только полмешка заплесневелых каменных буханок, а до вертолета неделя. Оружие в те времена хлопотно было иметь, и стали мы сурков в петли ловить. А они, умные, почувствовали наш зверский аппетит и все, как один, попрятались в своих норах. Весь сезон табунами бегали, а тут ни одного, хоть плачь!

Наконец, через два дня один все-таки удавился... Дохлый такой, шерсть клочьями и блохи, с муху размером, тучей из него прыгают. Стал я его разделывать – шкуру снял, брюхо, блин, распорол. А там, представляете, солитёр, зеленый такой, длиннющий. Шевелился так недовольно, что без приглашения явился – они ведь гостей не любят, они сами любят в гости. Меня, клянусь, чуть не вырвало. А коллеги, проникнувшись таким моим неадекватным отношением к животному миру, поговорили, поговорили и решили выкинуть беднягу-сурка, конечно же, поручив это мне – я ж был с ним в непосредственном контакте. Ну, я и забросил его на камни подальше. В полете внутренности вместе с червяком вывалились – пришлось их закапывать. И знаете, что дальше было? Сплошная проза полевой жизни. Два дня мы ходили вокруг сурочьей тушки, а она провялилась на ветру, симпатичная такая стала, в общем, аппетитная почти. Собратья же бедняги вовсе исчезли, как ветром их сдуло. Короче, к вечеру третьего дня, когда буханки кончились, переглянулись мы с товарищами, потом порубили сурка на мелкие кусочки и зажарили в его же жиру до красноты. И съели наперегонки,

таким он вкусным оказался. Вот такие дела...

Смирнов внимательно посмотрел в глаза помощника Замминистра и, ядовито улыбаясь, произвел контрольный выстрел:

– Да, еще одна деталь. Сурок этот наверняка чумным был, а чуму эту блохи распространяют. Понимаете теперь, чем мы рисковали ради трех кусочков сурочьего жаркого? Рассказать еще что-нибудь? У меня много чего было по кулинарной части, до утра могу рассказывать. Вот гюрзы например, толстые, противные на вид, яд из них брызжет, а снимешь с них шкурку, то очень даже ничего...

– Не надо, гюрз, спасибо, – поморщился Виктор. – Кофе по утрам вы пьете?

– А кто принесет?

– Я.

– Нет, не пью.

– Тогда – до завтра. Встретимся в столовой, завтрак у нас приблизительно в десять. Если, конечно, не случится чего-то экстраординарного.

Виктор ушел. Смирнов погонял телевизор по каналам, попил коньяку с зефиром и лег спать.

Ему приснилось Серафима. Она лежала на нем, страстно вжимаясь грудями, всем своим жарким телом и жадно целовала в губы. Очувствовавшись, Смирнов перевалился на девушку – ему хотелось быть сверху и делать все самому – целовать, обнимать, тереться, покусывать. Он был в восторге –

столько времени у него не было женщины и вот, вознаграждение! Ему хотелось войти в нее, ощутить девушку изнутри, но он держался – знал, что после длительного воздержания быстро кончит и придется общаться. А как общаться с красавицей, которая знает пять слов, и четыре из них "Я вас хачу, мужчина"?

Когда он стал искать членом влагалище, Серафима засмеялась, выскользнула из-под него, скатилась на пол и, усевшись перед кроватью на коленки поманила пальчиком к себе. Смирнов пошел к женщине на четвереньках, но тут сзади на него набросились, оседлали. Он оглянулся – Валентина!!! Обнаженная, в глазах – чертовские искорки. Удобнее устроившись на Смирнове, она со всех сил шлепнула его по ягодице.

От шлепка он очнулся. С ужасом поняв, что и Серафима, и Валентина ему вовсе не снятся, направился к стулу за брюками. Когда сходил с кровати на пол, Валентина с него упала, громко ударившись лбом об основание трельяжа, истошно закричала от боли и испуга.

Серафима отгаскивала Смирнова от истерично отбивавшейся Валентины, у которой была рассечена бровь. Эту картину увидели два милиционера из охраны, прибежавшие на крик. И Борис Петрович, явившийся следом. Он был в радужных тапочках с голубыми помпончиками и длинном стеганом халате.

Обстоятельно запечатлев в сознании состав преступле-

ния, милиционеры вопросительно посмотрели на Бориса Петровича. Тот легким движением подбородка отправил их прочь:

– Идите пока.

Когда те ушли, сказал женщинам:

– Пошли вон.

Лицо, шея, грудь Валентины были в крови. Серафима вытерла ее трусиками, смоченными туалетной водой; потом они удалились.

Борис Петрович сел в кожаное кресло. Жестом пригласил Смирнова занять место напротив.

Тот сел.

Борис Петрович долго смотрел на него исподлобья.

Смирнов обдумывал положение.

– Думаете, куда влипли и как выбраться? – спросил Борис Петрович.

Смирнов, смущенно глядя, покивал.

– Я думаю, ваши раздумья не приведут вас к правильному выводу...

– Почему?

– Во-первых, вы не знаете, что находитесь в комнате Валентины, моей, как вам известно, законной супруги.

Борис Петрович встал, подошел к шкафу, распахнул его и Смирнов увидел обольстительные платья на вешалках, околдовывающее белье на полочках и замораживающие остроносые туфельки внизу.

Он нахмурился. Получалось, что не женщины пришли к нему, а он к Валентине. Это две большие разницы.

Борис Петрович скривил лицо хозяйской улыбкой.

– Реакция адекватная, вы, и в самом деле, умница. Приятно иметь дело с умным человеком.

– Спасибо за комплимент, – автоматически сказал Смирнов, вглядываясь в глаза утопающего хозяина жизни.

– Я вижу, вы полагаете, что это я подстроил, – понял тот немой его вопрос. – Чепуха. Просто Валентина смогла добраться только до гостевой спальни, и Виктор поселил вас здесь.

– А чего я еще не знаю?

– Вечером мне позвонили из Москвы. Моя карьера кончена.

Смирнов задумался, глядя на Толстый мыс, сиявший огнями санаториев. "Прямо из Гоголя... Моя карьера кончена. То есть еще несколько дней в этом коттедже, и все. Никаких заседаний Правительства, никаких рукопожатий Президента, никакого телевидения и официальных поездок в Европу, никаких мигалок, дач и прочее. Вместо всего этого небольшая фирма, контролируемая бандитами, постоянно выключенный телевизор, чтобы не видеть "их" самодовольных рож, и мысли, мысли, безжалостно сжимающие сердце".

– Вы что молчите? – привлек Борис Петрович его взор.

– Я чувствую, вы попытаетесь в полной мере использовать власть надо мной, которую получили, по вашим словам, слу-

чайно. Дохнуть, так не одному, да?

– А это идея! Последний день жизни и полная власть над жизнью одного, нет, трех человек.

– Почему полная? Может, я предпочту тюрьму вашему обществу.

– Да, вы можете это сделать, я вижу. И потому постараюсь быть деликатнее, чтобы вы все не испортили.

– Постараетесь быть деликатнее в игре, со мной, мышкой?

– Ну да. Кстати, как вам Серафима?

– Она не далась.

– И Валентина тоже?

– До нее вообще дело не доходило. Спиной кое-что почувствовал и все.

Борис Петрович задумался. Если между Серафимой и Смирновым ничего не было, то изнасилование уже не пришьешь. Только попытку. А за попытку в Москве не пожалеют. И кинут на самое дно.

Смирнов пытался думать о Валентине. Ему было неловко, что все так получилось. Эта кровь... Хотелось к ней прикоснуться, попросить прощения. В ней было что-то такое. В ней было счастье. Где-то внутри. Небольшой такой сияющий слиточек. Небольшой, но весомый и дорогой.

– А давайте сыграем в карты? – прочувствовал Борис Петрович тему его размышлений. – На одну из них?

– Вы ставите женщин, а я что?

– Как что? Жизнь.

– Не хочу. У меня не встанет в этом контексте.

– Ну хорошо, тогда давайте на минет. Если вы выиграете, то Серафима, ну, или Валентина, сделают вам минет.

– Не хочу. Я эстет. По крайней мере, в вашем обществе.

– Вы плохо оцениваете ситуацию. Сейчас я вызову милицию, и вас посадят на восемь лет. Из тюрьмы вы выйдете дряхлым стариком с никуда не годной прямой кишкой и заискивающим взглядом.

– Ну и пусть. Напишу об этом книгу.

– Вы писатель?!

– Десять приключенческих книг написал, пять издано.

– Как интересно! – глаза Бориса Петровича зажглись. – Вы знаете, я тоже накропал книгу о жизни, но как-то не решился показать ее специалистам.

– О чем она? – Смирнов надеялся перевести разговор и ситуацию в более оптимистичное для него русло.

– Как бы вам сказать... Ну, вы хорошо знаете, что человеческие органы трансплантируют. То есть сейчас умерших людей практически полностью разбирают на составные части. Руки, ноги, сердце, почки, печень, даже мясо и так далее. И всем это кажется нормальным и, более того, полезным явлением. А в своей книге я развил эту ситуацию до предела – общество утилизирует своих почивших членов сто процентно. И это считается нормальным, все довольны, хотя бы потому, что появился действенный механизм демографического контроля, основанный на оптимально применяемой

эвтаназии, сокращено животноводство – коровы, овцы уже не вытаптывают природу, а домашняя птица, как, кстати, и буренки, не разносит всяческую опасную заразу. Более того, люди испытывают моральное удовлетворение, зная, что после смерти они будут востребованы, что они перейдут в кого-то своей плотью, и будут жить дальше... У Омара Хайяма на этот счет есть хорошие строки:

*Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи,
И кто-нибудь себе из них хоромы сложит.*

– Что-то в этом есть... – покивал Смирнов. – Пути человечества, для вас, похоже исповедимы.

– Нет, знаете, с вами приятно разговаривать! Так во что мы будем играть? Преферанс? Покер? Дурак? Вы, наверное, предпочтете преферанс? Все геологи играют в преферанс.

– С болваном?

– Почему с болваном? С Виктором.

– За дурака меня держите? Играть на жизнь с вами и вашим верным телохранителем? Увольте!

– Ну, можно в покер...

– Не люблю я этот покер. Во всех фильмах в него мухлюют. Помните "Смешную девчонку" с Барброй Стрейзанд?

– Ну давайте тогда в дурака перекинемся?

– Слишком сложная игра, для шахматистов. Сам Анатолий Карпов, кажется, в ней чемпион. Нет, эта игра не для меня, я ведь даже ферзевый гамбит забыл. Отбиваться или принимать, помнить, что вышло – голову сломаешь, а она у

меня сейчас ничего практически не соображает, по вашей, между прочим, милости, не соображает.

Смирнов ждал, когда Борис Петрович предложит играть в очко. И дождался.

– А в очко? Может, в очко? В детстве я в него играл с дворовыми мальчишками, пока мама не увидела. Очень простая игра.

– А правила вы помните?

– Виктор должен помнить, – обрадовался Борис Петрович.

Вошел Виктор. Он стоял за дверью.

– Виктор Владимирович, вы знаете правила игры в очко, карточное очко?

Виктор подумал и стал бесстрастно говорить:

– В игре участвуют тридцать шесть карт. Раздающий, или "банкир", называет ставку, то есть "банк". Карты сдаются снизу. Первую он рубашкой верх подкладывает под верхнюю карту, которая называется "своя" и является первой картой "банкира". Игрок должен сказать, на какую часть "банка" он играет. Затем банкир выдает ему столько карт, сколько тот потребует. Игрок старается в сумме набрать количество очков не превышающее или равное двадцати одному. Если он наберет больше двадцати одного, то проигрывает. Если меньше, то начинает играть банкир. Выигрывает тот, кто набирает большее количество очков, но меньше, естественно, двадцати одного.

Помолчав, вспоминая, Виктор продолжил:

– Есть еще одна тонкость. Игрок не имеет права скрывать перебор. Однако последнюю карту он может взять "в темную". В таком случае, если банкир переберет, то карты игрока не рассматриваются.

Правила игры Виктор объявил не совсем верно и не полностью, но Смирнов, решив прикинуться "чайником", его не поправил. Вместо этого он деловито спросил:

– Валет – это сколько очков?

Виктор посмотрел недоуменно.

– Валет – два, дама – три, король – четыре, туз – одиннадцать. Если придут два туза – это называется "золотое очко". Да, еще одно уточнение: если и банкир, и игрок наберут одинаковое количество очков, то выигравшим считается банкир.

– Карты принес? – деловито поинтересовался Борис Петрович, когда Труффальдино убрал руки за спину.

– Да, вот они.

– Ладно, иди к девушкам. Скажи, чтобы привели себя в полный сексуальный порядок и шли в гостиную. Ставка должна быть на кону.

Виктор, кивнув, вышел.

– Ну что, перебазировемся в гостиную? – подмигнул Борис Петрович Смирнову.

Вздыхнув, тот поднялся.

На первом курсе, на учебной геологической практике он проигрался в очко в пух и прах. Даже плавки на нем принадлежали Сашке Таирову, разбитному парню и сыну начальника Памирской геологоразведочной экспедиции. Однако Смирнов нашел выход из положения, потому что сам был начальником. Начальником Таирова. Играли они в горах, в нижнем левом углу той самой площади, которую отряд Смирнова должен был покрыть глазомерной топографической съемкой.

– Или ты возвращаешь мне все, или мы до вечера будем тянуть рулетку вон на ту гору, – сказал он подчиненному. – И, само собой разумеется, летально опоздаем на ужин.

– Так съемку все равно надо делать? – недоверчиво посмотрел тот.

– Мы сделаем ее без тебя. Тем более, с тобой мы только дурью маемся.

– По рукам! – расцвел Таиров. – Тем более, я мухлевал. Смотри, как это делается.

Через полторы минуты Смирнов приобрел навыки, поднявшие его на уровень шулера средней руки. Таиров радовался успехам товарища как ребенок.

Через несколько лет он глупо погиб.

Банковать Борис Петрович предложил сопернику, и тот, пожав плечами, согласился.

Своя карта "Смирнова" была восьмерка. Незаметно выдвинув по направлению к себе нижнюю карту колоды, он подогнул ее уголок, скосил глаза и увидел туза. Это было замечательно. Его можно присовокупить к своей восьмерке и получить весьма оптимистичные девятнадцать. Или сунуть последней картой сопернику.

– В банке у вас будет Серафима, – сказал Борис Петрович, получив свою карту. – Если выиграешь, то на полчаса ляжешь с ней в постель. Если проиграешь, то Виктор прострелит тебе кисть левой руки. Перед этим я попрошу его не повреждать костей.

Смирнов задумался. Вечно выигрывать нельзя. Надо будет и проиграть для статистики. Кисть за неделю заживет, да и идет он по берегу отнюдь не на руках. Так что пока не все так уж плохо.

Получив третью карту (она, как и две другие, разумеется, была второй снизу), Борис Петрович задумался. Несколько секунд он задумчиво смотрел в глаза Смирнова. И, попросив еще, получил резервного туза.

"К "семке" прикупил добавку, – подумал Смирнов, рассматривая карты, раздраженно брошенные соперником на

стол. – Рисковый парень. Хотя, чем он рисковал? Честью Серафимы?

Серафима оказалось легкой на помине. На ней было черное, обтягивающее платье, в котором она выглядела куда интеллигентной, чем в цветастом сарафане. За ней явилась Валентина. В смело декольтированном длинном вечернем туалете (темно-зеленом) с умопомрачительным боковым разрезом, в изумрудном колье, окропленном алмазами. Бровь ее, удачно загримированная, не привлекала внимания, и женщина выглядела светской львицей, утомленной поклонением. Они сели в глубине гостиной, вынули длинные тонкие сигареты и закурили.

– Я хочу отыграться, – заглянул Борис Петрович в глаза Смирнова. – Ставлю Валю на полчаса против простреленной кисти.

– На жену играете?

– На жену?! Да она...

Борис Петрович хотел сказать, что Валентина уйдет от него, как только узнает, что он потерял место в Правительстве. Но смолчал. Он умел молчать и обдумывать. Другие наверх не забираются.

Валентина уже знала, что из мужа выпустили кислород. Еще вечером, перед тем, как направиться с Серафимой к Смирнову, женщина позвонила супруге министра, та выразила свои соболезнования и пообещала принять участие в ее дальнейшей судьбе. Валентина все знала, но молчала, пото-

му что хотела лечь в постель с этим странным мужчиной из параллельного мира.

– В общем, давай, банкуй, – перестал смотреть на супругу Борис Петрович. – Если выиграешь, не пожалеешь, Валя – это конфетка. Да, уточняя: ты должен будешь не только лечь с ней в постель, но и трахнуть ее, то есть войти с ней в половой контакт. Ты понял? Я хочу, чтобы в ней была твоя сперма.

Евгений Евгеньевич пожал плечами: – Как хотите, – решив не вникать в смысл последней фразы соперника. Он уже знал, что снизу в колоде лежит король. "Своя" карта была девятка.

Получив третью карту, Борис Петрович, злорадно улыбнулся и приказал:

– Играй!

"У него двадцать, точно! – закусил губу Смирнов. – Ну ладно, вытащим еще одну карту.

На "свою" девятку легла предпоследняя карта, оказавшаяся семеркой. Резервный король своим скипетром обращал превратить бесперспективные $9+7 =$ "шиш" в счастливые $9+7+4 = 21$. Перед тем, как с помощью карточного венценосца объявить очко, Смирнов навел тень на плетень.

– У вас девятнадцать или двадцать, – проговорил он, озабоченно вглядываясь в глаза соперника. – Значит, меня спасает только очко...

И, неистово перекрестившись на дальний от входа в го-

стиную угол, взмолился: "Не дай, Господи, раба твоего грешного в трату, пошли червонного короля!"

Господь остался глух, и король как был, так и остался трефовым. Смирнов радостно засмеялся. Смех получился искренним.

У Бориса Петровича действительно было двадцать. Обозрев карты соперника, он почернел от злости и приказал:

– Сдавай еще!

– Не, на Виктора я играть не буду, не та ориентировка! – посерьезнев, покачал головой Смирнов.

– Причем тут Виктор? Ставлю пять тысяч долларов против выстрела в руку.

– Пять тысяч!? – алчно вскинул глаза Смирнов. – Черт побери! Да на них можно купить все геленджикские чебуреки и еще останется на бутылку "Хольстена" и новый рюкзак!

– Да, пять тысяч, – повторил Борис Петрович, чеканя слова. По его глазам было видно – он начал подозревать соперника в жульничестве.

Смирнову стало ясно, что дырки в кисти ему не избежать.

– Вы это здорово придумали – играть на деньги, – вздохнул он. – Когда я играю на них, или просто соприкасаюсь, удача от меня уходит. К сожалению, с деньгами у меня всегда параллельные прямые.

Говоря, он выправлял колоду, прогибая ее то в одну сторону, то в другую – даже неопытный игрок, увидев карту с загибающимся углом, мог догадаться, что банкир жульничает.

ет.

Борис Петрович получил пятнадцать очков и заказал "темную". Сдавая себе, Смирнов нервничал: а вдруг "очко"?

Ему повезло – при четырнадцати очках пришла десятка.

Борис Петрович вскочил на ноги, ликующе смеясь, и позвал Виктора.

Тот явился с "Макаром" в руке.

Поместив подрагивающую кисть левой руки Смирнова на золоченый том "Гарри Поттера", лежавший на журнальном столике, он прижал ее дулом и выжал курок.

Осечка!

– Стреляй еще, стреляй! – закричал помощнику донельзя возбужденный Борис Петрович.

– Почему это стреляй? – самоопределившись, закричал Смирнов. – Против Валентины вы ставили прострелянную кисть, а против пяти тысяч – выстрел в руку. Так, Виктор Владимирович?

Виктор Владимирович кисло кивнул.

– Ты стрелял в мою руку? – продолжал спрашивать его Смирнов.

– Стрелял...

– Так значит, мы квиты, веревка оборвалась, и я свободен!

– Ну ладно, ладно, пусть будет по-вашему. Все равно я выиграл, – махнул рукой Борис Петрович. – Сейчас два сорок семь. В три двадцать продолжим игру.

Не дожидаясь реакции на свои слова, он пошел к прямо

сидевшим женщинам и сказал, злорадно улыбаясь:

– Я проиграл вас в карты. На полчаса. Сейчас вы пойдете с Евгением Евгеньевичем в мою спальню и вернетесь ровно в три двадцать. Если с его стороны будут претензии, я дам ему возможность ходатайствовать передо мной о том, чтобы его два его будущих проигрыша легли на вас. Вы все поняли?

– Не беспокойся, Боря, все будет хорошо, – ласково сказала Серафима поднимаясь. – Мы с Валеёй устроим все в лучшем виде.

Они встали, подошли к Смирнову. Увидев стройные фигуры, подчеркнутые облегающими нарядами, белоснежные шейки и призывно накрашенные губки, он непроизвольно спросил:

– А почему полчаса, Борис Петрович?

– Ну, ладно, ладно, каждую на полчаса. Мне просто не могу ждать вас битый час. Идите же скорее, а я пока подумаю, на что мы с вами будем играть потом.

Смирнов пожал плечами и вышел из гостиной. За ним двинулись женщины.

На пути в спальню настроение его сильно изменилось. Рефлексы всегда нападали на него в самые неподходящие моменты.

"Спать с незнакомыми женщинами? Да еще сразу с двумя? Да еще выигранными в карты? Да еще после всего, что случилось, после этого дурацкого Гарри Поттера в виде плахи? Свинство какое-то в виде морального разложения.

Однако в спальню он вступил другим человеком. Иногда ему удавалось находить волшебные фразы, коренным образом менявшие семантику действительности. "Когда ты под властью психа с пистолетом, который каждую минуту может выстрелить тебе в лицо, психа, который почти уже устроил тебе восьмилетнее пребывание в тюрьме, не надо думать о морали, – измыслил он, оглядывая роскошный "сексодром" Бориса Петровича, отделанный в красно-черных тонах с никелем. – Короче, не надо ни о чем думать, а надо получать удовольствие".

Он не сразу переключился на получение удовольствия, а подошел к окну, чтобы похоронить последнюю надежду. Утро уже понемногу растворяло густую южную ночь, и Евгений Евгеньевич смог увидеть на стенах дома и заборах (ощетинившихся битым стеклом) множество следящих камер. Как не странно, это наблюдение его успокоило: "Нельзя сбежать – так нельзя. Будем действовать по обстоятельствам".

Обернувшись к выигрышам, он увидел, что они сидят на краешке кровати так, как залетевшие женщины сидят в своей поликлинике.

– А что это вы такие кислые? – присел перед ними на корточки.

– Серафима сказала, что Борис войдет, когда мы будем барахтаться, и всех убьет.

– И ты этому веришь?

– Нет. Но он что-то замыслил, это точно.

Настроение у Смирнова упало вовсе. Какой уж тут секс?

Когда вошел Борис Петрович, они втроем сидели на кровати и рассматривали ногти.

– Что-то тихо у вас, вот я и пришел. Что-то не так, уважаемый Евгений Евгеньевич? Может, вам виагры в ладошку насыпать?

– Да что-то не климат... Я всю жизнь этим по любви преимушественно занимался, а тут вот какое дело.

– Послушайте, Евгений, я ни разу вас не обманул, ведь так?

– Ну да.

– Я не стал настаивать, что значение слова "выстрел" вполне конкретно?

– Нет, не стали.

– Вы выиграли двух этих женщин?

– Ну, выиграл.

– Значит, вы должны выполнить оговоренные условия.

* * *

Смирнов вспомнил однокурсника Федю Севенарда. Тот поспорил с Сашкой Таириным, что съест в один присест десяток сырых картошек. И съел. Но смешно было не то, как он это делал. Смешно было то, что Таиринов заставил Федю выпить выигрыш – бутылку забористого портвейна – до по-

следней капли и в один присест. Потом весь лагерь смеялся до упада: нескладный и несмелый Севенард, слова не умевший сказать твердым голосом, побил своего врага (к нему его отвел Таиров), потом признался в любви Томке Сорокиной (к ней его привел Таиров) и, в завершении всего, сделал строгий выговор начальнику лагеря, весившему раз в десять больше. Начальник, выпроводив Таирова вон, принял выговор с пониманием – отец Феди, построивший не одну ГЭС (а потом и питерскую плотину), был коротко знаком с Брежневым.

* * *

– Значит, должен, – ответил Смирнов. – Где там ваша виигра?

Борис Петрович порылся в ящике золоченой тумбочки, сунул Смирнову коробочку и, глянув на часы, вышел из спальни.

– Ну что, начнем, пожалуй? – сказал Смирнов, с трудом проглотив таблетку.

Женщины молчали, кисло рассматривая Гогена, висевшего на стене напротив. Репродукция называлась "Когда ты выйдешь замуж?"

– Может, вам тоже таблеток принять? Или по стаканчику коньяка?

– Это идея, – ожила Валентина.

– Он там, в баре, – указала подбородком Серафима.

Смирнов налил им по рюмке. Они выпили. Он тоже. Конечно не успел достигнуть желудка, как в разрезе платья Валентины появилась ажурная резинка розового чулка. После второй рюмки женщина посмотрела с интересом, и разрез стал шире.

– Так на чем мы кончили? – сказал хозяин положения, поставив бутылку на пол. – Насколько я помню, до того, как весь этот российский Лас-Вегас начался, вы, Серафима, сидели на корточках у края кровати, а вы Валентина, на мне? Может, восстановим эту сцену, будоражащую мою память в течение последнего часа?

– Не получится, – странно блеснув глазами, покачала головой Валентина. – Сейчас восемнадцать минут четвертого, и время Симочки почти вышло. Двух оставшихся минут вам хватит лишь на длительный прощальный поцелуй.

Серафима вскочила рассерженной кошкой и, полоснув подругу ненавидящим взглядом, бросилась вон из спальни.

Они остались одни. Виагра начала действовать. Смирнову стало неловко. Химический по природе секс его не воодушевлял. Самоопределение члена было неприятно.

Валентина верно оценив ситуацию, взяла инициативу на себя и, озорно глядя, опрокинула его на кровать. Налегла. Поцеловала. Смирнов ее обнял. Попытался почувствовать женщину губами. Почувствовать ее кожу руками. Вдохнуть ее пленительный запах.

Не вышло. Тонкие чувства позорно сникли. Набывчившийся фаллос ревел каждой своей клеточкой: "К черту сантименты! К черту глупости! Воткни меня в эту бабу! Воткни со всей силы! Я покажу ей, и тебе покажу, наконец, покажу, что такое настоящий животный секс!"

"Животного секса" Смирнов не вынес. Сжал губы, уронил голову на постель. С потолка на него смотрели расписные амуры. Недоуменно смотрели.

– Ну и дурак, – выдохнул фаллос, превращаясь в орган мочеиспускания.

– А ты хороший... – прошептала Валентина, опустив ему на грудь голову. – Не самец...

Ее волосы пахли геленджикскими магнолиями.

Они пахли беззаботным курортным вечером, пропитанным неизбежностью чувственной ночи.

Что-то их охватило. Что-то содвинуло души.

– Давай просто полежим? Ты такая лапушка... – прошептал Смирнов. – Мне хочется прожить эти полчаса по секунде.

– Уже двадцать пять минут, – потерлась щекой Валентина. – Мне так хорошо. И ничего не нужно... Ты такой родной.

– Ты тоже. Я, как только тебя увидел, понял, что ты принесешь мне счастье. На полчаса, но принесешь...

– Со мной никто не был счастлив... И я не была ни с кем счастлива. Вот только сейчас. На полчаса.

– Глупенькая. Мы просто не замечаем своего счастья. Или

кто-то вдальбливает нам, что счастье – это то-то и то-то. И мы верим. Верим, ищем его и ничего не находим, потому что счастье – это глубоко личная штука. Ее нельзя вдолбить.

Смирнов рассказал, как несколько часов назад превратился в маленького мальчика, который был безбрежно счастлив. Одним морем. Небом над ним. Зелеными горами, отгородившими его от всего мира.

– Я тебя сразу заметила. У тебя такие глаза... Ты видишь...

– Да, вижу, – Евгений Евгеньевич увидел Бориса Петровича сидящего в гостиной и неотрывно смотрящего на часы.

– И будущее тоже?

– Да. И будущее.

– Скажи, что у меня все будет хорошо.

– Не могу. Не могу сказать, что у тебя будет все хорошо. Человеку не может быть хорошо одному. Ему может быть хорошо только с другим человеком. С другими людьми. Если ты найдешь его, или их, то тебе будет хорошо. Очень хорошо. Так хорошо, что ты почувствуешь себя счастливой.

– А я найду такого человека?

– Конечно. Нашла же ты меня... На берегу.

– Нет, в море... Но ты – путник. Ты всегда будешь ходить. Я смотрела на тебя. Ты весь для хождения. У тебя такие сильные ноги...

– Я – это первый лучик. Ты найдешь другого человека. Но сначала поищи его в муже.

Валентина легла на спину. Она рассердилась. Смирнов навис над ней темной тучей:

– Ты пойми, нельзя найти ничего путного, переступив через человека. Когда ты переступаешь через человека, часть твоей души остается с ним. С его телом, поверженным тобой. Несколько раз переступишь – и все. Не остается того, что можно кому-то отдать. Или того, что может кого-то привлечь.

– Ты так говоришь... Ты переступал?

– Да. Много раз. И сейчас наполовину пуст. И пустота это тоскует. По тому, что в ней было. По потерянным частичкам души. А они везде. На севере, на юге и востоке. Поэтому, может быть, я и хожу. Пытаюсь их найти. Вернуть.

Валентина поцеловала его в губы. Робко и целомудренно, как любящая дочь. Смирнову захотелось ее обнять, ощутить груди, кость лобка, но он сдержался.

– А что там у вас с твоим Замминистра не вышло? Давно вы женаты?

– Семь лет. Я в него влюбилась. Боря тоже. Но потом... Потом выяснилось, что я не могу родить. А он... а он потихоньку стал обыкновенным бытовым подлецом... Скользким и, в то же время пушистым, как все воспитанные подлецы.

– Как это стал?

– Ну, понимаешь, если ты хочешь быстро сделать карьеру, то ты должен стать пушистым подлецом. Если ты хочешь

иметь образцовую семью, на зависть всем семью, представительскую семью, то должен стать пушистым подлецом. И так далее...

– Ты знаешь, она права! – ворвался в спальню Борис Петрович, растерзанный самим собой. – Да, я стал подлецом. Да, я подсиживал, клеветал, предавал, где надо говорил, а где надо молчал. Да, я ходил в сауны с нужными людьми и после длинноногих блондинок приносил ей бриллианты и объяснялся в любви. Но это к делу не относится, а если относится, то опосредовано, потому что, вы, Евгений Евгеньевич, бесчестный человек! Я вам это ответственно заявляю. Вы – бесчестный человек!

– Я?!

– Да, вы, Евгений Евгеньевич! Вы не выполнили своих обязательств! Вы не отдали мне святого – вы не отдали мне карточного долга, вы не обладали моей женой!

– Почему это не обладал? – встала перед ним Валентина в позу обозленной супруги. – Обладал, да так, как тебе никогда не удавалось!

Воспаленные Бориса Петровича глаза забегали по супруге.

– Глаза не кошачьи, – отмечали они. – Ничего от удовлетворенной кошки. Платье не помято. Макияж не смазан.

Потом посмотрел на Смирнова. Он лежал в рубашке и брюках. Ширинка была застегнута.

– Да мы были близки, – оставаясь лежать, заложил Ев-

гений Евгеньевич руки за голову. Улыбка удовлетворения блуждала по его лицу.

– И он... он оплодотворил меня, вот! – чертовские искры заплясали в глазах Валентины.

Она была чудо как хороша.

– Будет двойня, Борис Петрович, я это чувствую, – сочувственно покивал Евгений Евгеньевич. – И вам придется ее воспитывать.

Борис Петрович сник, опустил руки. Он смотрел на жену с восторгом, с восторгом, испачканным низостью, смотрел, не узнавая ее. "И эта удивительная женщина моя?! Была моей?!"

Валентина, потеряв весь свой апломб, искала что-то в глазах мужа. Тот, не выдержав взгляда, отвернулся. И увидел бутылку коньяка, стоящую под кроватью.

– Иди к себе, – сказал он жене, хлебнув из нее. – А я попытаюсь отыгаться.

* * *

– Мне кажется, вы заиклились, – проговорил Смирнов, когда они вернулись в гостиную. – Вы бегаєте по кругу вместо того, чтобы остановиться и поискать выход. А это, надо сказать, трудное дело, ибо их тьма тьмущая. Можно застрелиться, можно убить кого-нибудь и сесть в тюрьму, сесть и избавиться от необходимости принимать решения. Можно убить кого-нибудь и не сесть в тюрьму, а всю жизнь мучить-

ся и опускаться. А можно поступить совсем оригинально – плюнуть на карьеру, на власть, на славу, и просто торговать памперсами и жить с Валентиной. А если это не устраивает, можно подвалиться друганом к одному типу из администрации и уехать консулом на Таити. Кстати, о Таити. Тут у вас полно картин Гогена, с недавних пор я люблю их. Раньше в упор не переваривал, морщился душевно, переживал за великого мастера – мазня все, да и только. А недавно прозрел и полюбил. Оказывается, смотреть на них надо по-особенному, на задний план надо смотреть. И тогда они оживают, становятся объемными и истинно, необходимо существующими. Так, по-моему, надо и на жизнь смотреть. Не на то, что праздно мельтешит перед самыми глазами, а на то, что позади этого, на то, что по совести своей и происхождению не может, не хочет лезть в глаза.

– Сдавай, болтун, – помолчав, подвинул к нему карты Борис Петрович. – Будем играть на суицид, то есть на выстрел в собственное сердце. Если ты выиграешь, застрелюсь я, и наоборот.

Смирнов пожал плечами, взял карты, стал тасовать.

– Послушай, а почему ты не боишься, почему ты спокоен? – задрожал голос Бориса Петровича. – Лично я после всего случившегося оцениваю твои шансы выжить к завтрашнему, нет, уже сегодняшнему завтраку крайне невысоко.

– Почему не боюсь? Боюсь, ведь вы в аффекте, и себя не

контролируете, – признался Смирнов. – Но боюсь не очень, потому что знаю, что завтрашнего, нет, сегодняшнего завтрака у меня не будет. Сегодня я обойдусь без него. А вот обед будет плотным, это точно. Обед или ужин, я еще этого не решил. И еще я напьюсь после всего этого. Так напьюсь, что не смогу поставить резинку и следующим утром останусь без привычной юшки.

Борис Петрович вынул из кармана халата пистолет, снял с предохранителя. Затем, взяв оружие обеими руками, прицелился в Смирнова. Тот чувствовал, как выжимается курок. И продолжал тасовать карты.

Курок сделал свое дело. Боек ударил в капсуль. Но выстрела не последовало.

– Черт, да что это такое?! Вторая осечка подряд! – взорвался Борис Петрович. И прокричал, обернувшись к двери:

– Витя, в чем дело?!

Виктор вошел. Увидев пистолет в руке хозяина, понял суть вопроса:

– А... Вы об этом... Патроны, наверное, слишком долго кипятил.

– Ты кипятил патроны?

– Да. А что?

– Дай мне другую обойму, – сказал Борис Петрович, покачав головой удивленно и негодуя.

Виктор вынул из заднего кармана брюк обойму, положил на стол перед шефом.

Смирнов, бледный, покрывшийся испариной, участвовал в сцене безмолвно. Виктор, посмотрев на него с сочувствием, как на покойника посмотрев, вышел.

Борис Петрович сменил обойму, положил пистолет в карман. Долго смотрел на своего заложника. Так же, как смотрел Виктор.

Смирнов почувствовался, продолжил тасовать карты. Выронил часть на пол. Суетливо поднял.

Он потерял выдержку.

Борис Петрович протянул руку. Ладонь была розово-морщинистой.

– Дай мне. Ты уже банквал, мой черед.

Смирнов, ничего не видя, положил карты на стол. Борис Петрович взял их, стал тщательно тасовать. Закончив, подрезал "свою". И кинул карту сопернику. Поднимая ее, тот заметил, что Борис Петрович совершает с колодой те же самые операции, которые совершал он сам.

– Он мухлюет! – сверкнула мысль. – И, скорее всего, срисовал с меня. Черт! Человек, который так быстро схватывает, не может не выиграть!

Смирнов огорчился выводу, но унывал недолго – в голову пришла спасительная мысль. Обрадованный (на лице это не отразилось), он вскочил, подошел к бару, вынул из него первую попавшуюся бутылку вина (не повезло коллекционной испанской "Малаге"), потом фужер, и вернулся к столу. Следующую минуту он пил, в перерывах между глотками по-

смаатривая на свет сквозь искрящийся хрусталь.

– Так значит, у вас в банке фактически лежат наши жизни, моя и ваша? – спросил он, допив вино и взяв карту.

Карта была десятка.

– Да, – ответил Борис Петрович, не подумав. Поведение заложника его удивляло и нервировало. – В случае проигрыша вы отвечаете смертью.

– В таком случае, я иду на осьмушку вашей жизни. Давайте еще карту. Быстро!

Борис Петрович растерялся. На осьмушку?! Смирнов получил девятку. Его несло.

– Еще, – сказал он.

Вышел валет. $10+9+2(!)$. Очко.

– Итак, в банке моя жизнь и семь восьмых вашей. Играю на половину своей. Вскройте мне три карты.

Нехорошая улыбка играла его губами.

Борис Петрович выложил на стол валета, короля и семерку.

– Еще две.

Появились король и валет. Всего девятнадцать.

– Себе, – приказал Смирнов.

Борис Петрович вскрыл даму, еще одну, шестерку... и туза. $3+3+6+1$. Двадцать три очка. Если бы он не растерялся и не выдал первой значенную даму, у него было бы двадцать.

– В банке половина моей жизни и семь восьмых вашей, – продолжал давить Смирнов. – Играю на половину своей.

Карту! Быстрой!

Борис Петрович сдал ему карту.

– Еще!

Борис Петрович дал.

– Еще!

Борис Петрович дал.

– Все, я выиграл, – бросил карты на стол Смирнов.

– Почему это?! У вас "пип" – влип!

– Вы не положили себе карту.

Борис Петрович растерялся вконец.

– Витя, иди сю...!!! – закричал он. "Сюда" у него выско-
чило наполовину – голос сорвался.

Виктор явился.

– Рассуди нас, Виктор Владимирович: я сдал ему две кар-
ты, а себе не положил. Значит ли это, что Евгений Евгень-
евич выиграл этот кон?

Виктор подумал и сказал:

– Ну, если по аналогии с преферансом... Там, если ты,
взяв прикуп, не снес карт и сделал ход, то летишь на гору
без разговоров...

– Да никаких аналогий, – поморщился Смирнов. – Должна
у банкира лежать своя карта. Хотя бы потому, что игрок в
любой момент может потребовать ее показать. Итак, в банке
семь восьмых вашей жизни... Я иду на все. Сдавайте и не
забудьте оформить свою карту.

Борис Петрович был подавлен. Он проиграл карьеру, он

проиграл жену, последний свой форпост, а вот теперь, находясь на коне, так глупо, так бездарно проигрывает остальное.

Смирнов получил две восьмерки. "Шиш".

Борис Петрович выдал себе семерку, валета и туза. Подумавав, присовокупил к ним короля. $7+2+11+4(!!!) = 24$

– Ну-ну, – скривился на это Смирнов. – Королевский уход из жизни. Эффектный жест, ничего не скажешь.

И, посмотрев, презрительно щуря глаза, добавил:

– Вас бы на неделю в мой поисковый отряд – вернулись бы в Москву с чистой совестью.

– И стал бы старшим научным сотрудником?

– Ну, зачем так пессимистично... Если тебя научают с похмелья забираться на скалу с отметкой четыре тысячи одиннадцать и с удовольствием есть рагу из альпийских галок, то все житейские неприятности выглядят по-другому, как-то по-мазохистски приятно выглядят. Знаете, что человек понимает, взобравшись на заоблачную горную вершину? Он понимает, что на ней нельзя стоять вечно. Он понимает, что, поднявшись, надо спускаться, спускаться к обычной жизни, спускаться к подножью следующей вершины.

Борис Петрович не слушал. Он держал пистолет на коленях и смотрел на часы. Старинные бронзовые часы, стоявшие на секретере, инкрустированном родонитом.

Они показывали девять двадцать.

Он знал, что в девять тридцать позвонит Павел Степанович, позвонит, и будет пространно говорить, с такой сволоч-

ной шакальей ноткой в голосе говорить, что вот такие вот дела, что команда меняется в соответствии с задачами, поставленными Президентом, и надо понимать текущий момент стойчески и с юмором. Понимать и ехать через недельку в Москву сдавать дела. А можно и не ехать, можно загорать дальше – ведь дел-то никаких и не было. И еще он попросит не волноваться – приткнем куда-нибудь, свои ведь люди...

– Знаете, что, Борис Петрович, – прервал его самоедство Смирнов, неприязненно поглядывая на пистолет. – Знаете, что...

– Что?

– Скажу честно, мне не хочется, чтобы вы застрелились...

Мне это будет неприятно.

– Вам это будет неприятно?!

– Да. Я уверен, что каждый человек, в конечном счете, получает по заслугам. Он получает все, что заслужил – и хорошее, и плохое. И потому он должен отыграть все таймы в игре с жизнью, отыграть на возможно высоком уровне, с перерывами, конечно. И, если он это сделает, то Всевышний непременно добавит несколько бесконечных минут, добавит и поможет отыгратся. И, может быть, даже выйти вперед. Понимаете, это мое кредо. А если вы застрелитесь, получится, что вы ничего не заслужили, кроме пули в башке, получится, что вы сами себя удалили с поля, сами себе показали красную карточку. И представьте этих людей в кабинетах Белого дома... Представьте, какое презрение оживит их ли-

ца, когда им доложат о вашей смерти. Мне больно видеть эти лица. И еще одно. Я боюсь, что перед тем, как вы застрелитесь, вы пальнете в меня. Вы пальнете в меня, и я не получу по заслугам, не смогу доиграть до благословения Божьего... Это вообще ни в какие ворота не лезет, и я от этого нервничаю.

– Вы еще ожидаете что-то получить от жизни?!

– Конечно! Я все время что-то получаю. Вот, на днях мылся на берегу моря в черной баньке. Вы не представляете, как это было здорово, как запомнилось! А встреча с вами, с вашими женщинами? Это же на всю жизнь впечатление! А сколько еще всего будет, если, конечно, вы не наделаете во мне дырок? Я непременно встречу свою женщину, с которой проживу да конца своих дней, я еще постараюсь наделать от нее детей. А сколько еще всякого случится с вами? Если вы решитесь остаться на зеленом поле?

Борис Петрович смотрел на него долго. Смирнов сидел как на иголках. Лишь только пистолет указал ему на дверь, он подчинился, не веря своему счастью, суетливо и не думая о достоинстве.

* * *

Смирнов вышел из гостиной, осторожно притворил дверь, направился к выходу. Когда поднял ногу, чтобы опустить ее на ступеньку, хлопнул выстрел.

Он бросился назад.

Борис Петрович лежал на полу ничком.

Ковер у левого его бока становился бурым.

Выругавшись, Смирнов опустился на диван. Его схватила нервная дрожь.

Все, конец! Восемь лет. Ну, три, за попытку. Или год в следственном изоляторе. И еще пришьют за доведение. Валентина ничем не поможет.

Вспомнив Валентину, ее глаза, он вышел из себя, вскочил, стал остервенело пинать труп ногой:

– Сволочь, кретин, идиот, собака! Такая баба у него, денег туча, а он стреляться! Сволочь, сволочь!

Нога попала во что-то твердое. Всмотревшись, Смирнов увидел горлышко бутылки. Бутылки, на которой лежал труп. Из нее текло вино.

Испанская "Малага".

Через минуту он ее пил. Напротив сидел счастливо напряженный Борис Петрович. В его глазах светились надежда (Павел Степанович не позвонил) и признательность случайному гостю.

– Если бы ты сказал что-нибудь другое, ну, когда меня бил, тебя бы уже везли в тюрьму, – сказал он, женственно склонив голову набок.

– Сволочь ты, – незлобиво ответил Смирнов.

Он был доволен. Он был уже на берегу.

– И я бы убил тебя, точно убил, если бы ты возник, увидев,

что я мухлюю.